

ПРОБЛЕМА МОНОЛОГИЗАЦИИ ДИСКУРСА

Анатолий Смирнов

Два уровня высказывания

ДУМАЙ САМ

...ИЛИ ЗА ТЕБЯ БУДУТ ДУМАТЬ ДРУГИЕ...

**Если ты
не научишься
управлять собой,
тобой будут
управлять другие.**

НАУЧИТЕСЬ НИКОМУ, НИЧЕГО НЕ
РАССКАЗЫВАТЬ. ВОТ ТОГДА ВСЕ БУДЕТ
ХОРОШО.

© БЕРНАРД ШОУ

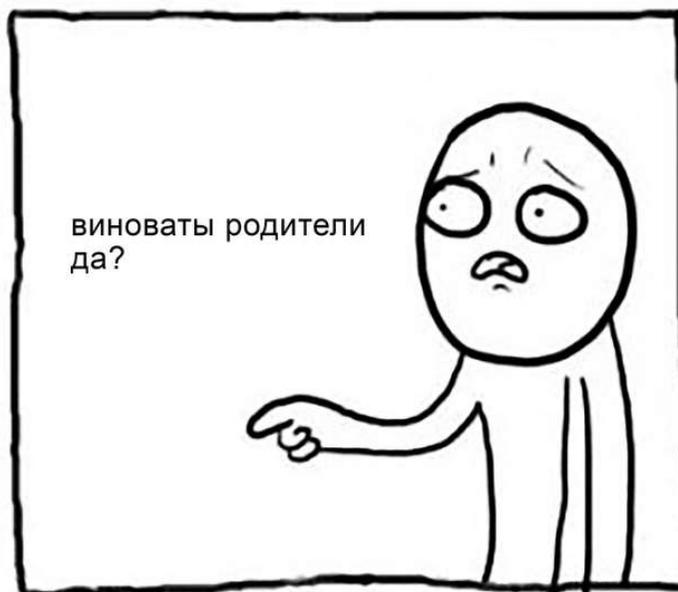

Позволь себе
быть собой

Интересная мысль

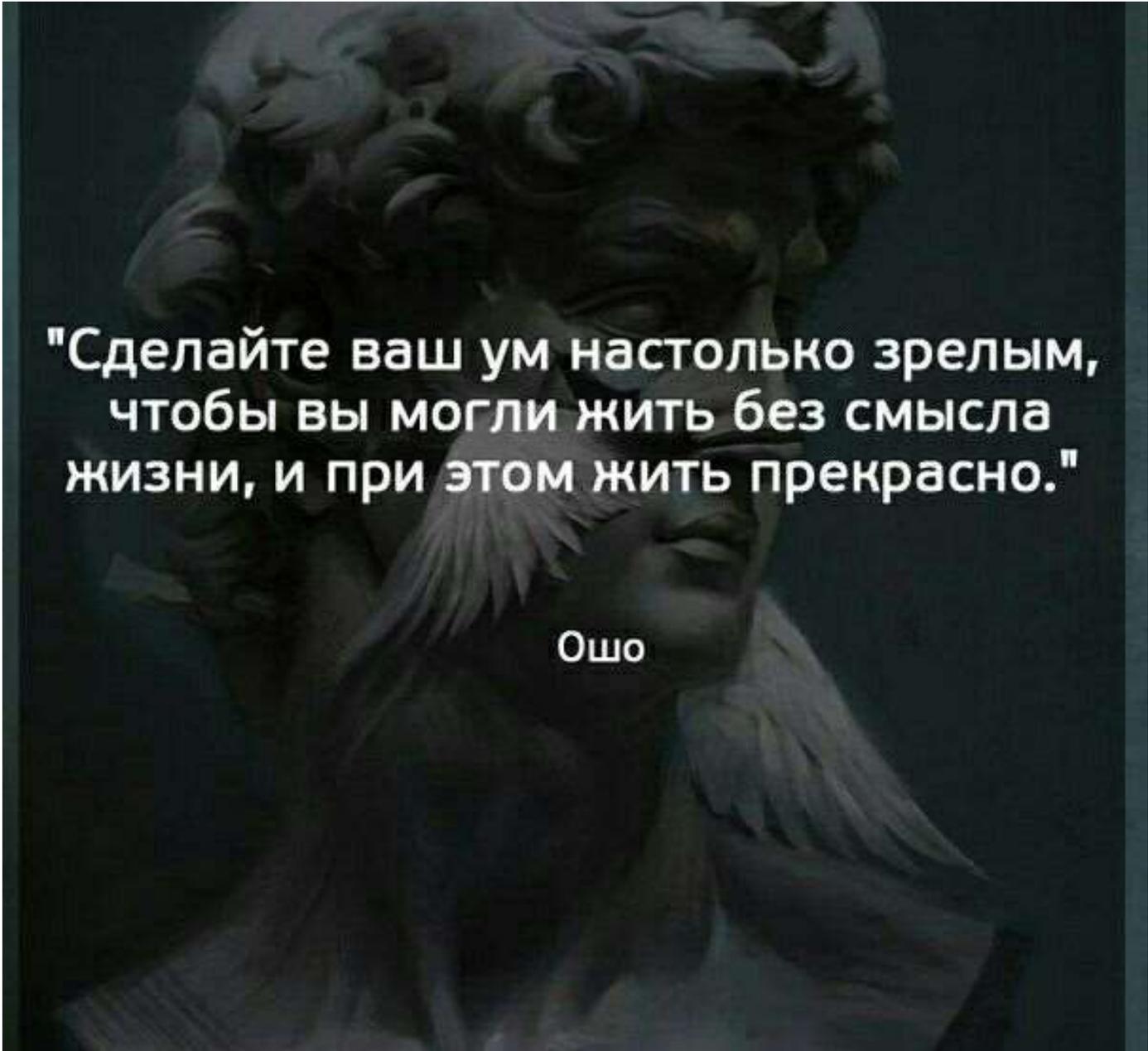
Чего тут непонятного? Клиент психотерапевта всегда хочет очень простых вещей:

- ... взять под контроль свой гиперконтроль
- ... усерднее справляться с усталостью
- ... побыстрее замедлиться
- ... не бояться быть бесстрашным
- ... перестать наконец прокрастинировать
- ... наилучшим способом справиться с перфекционизмом
- ... стать неудобным, чтобы получать больше одобрения
- ... самостоятельно справиться с одиночеством
- ... сепарироваться, чтоб партнер наконец успокоился
- ... чтоб разрешили взять, то что моё по праву
- ... чуть исправиться, чтобы принять себя такого как есть...

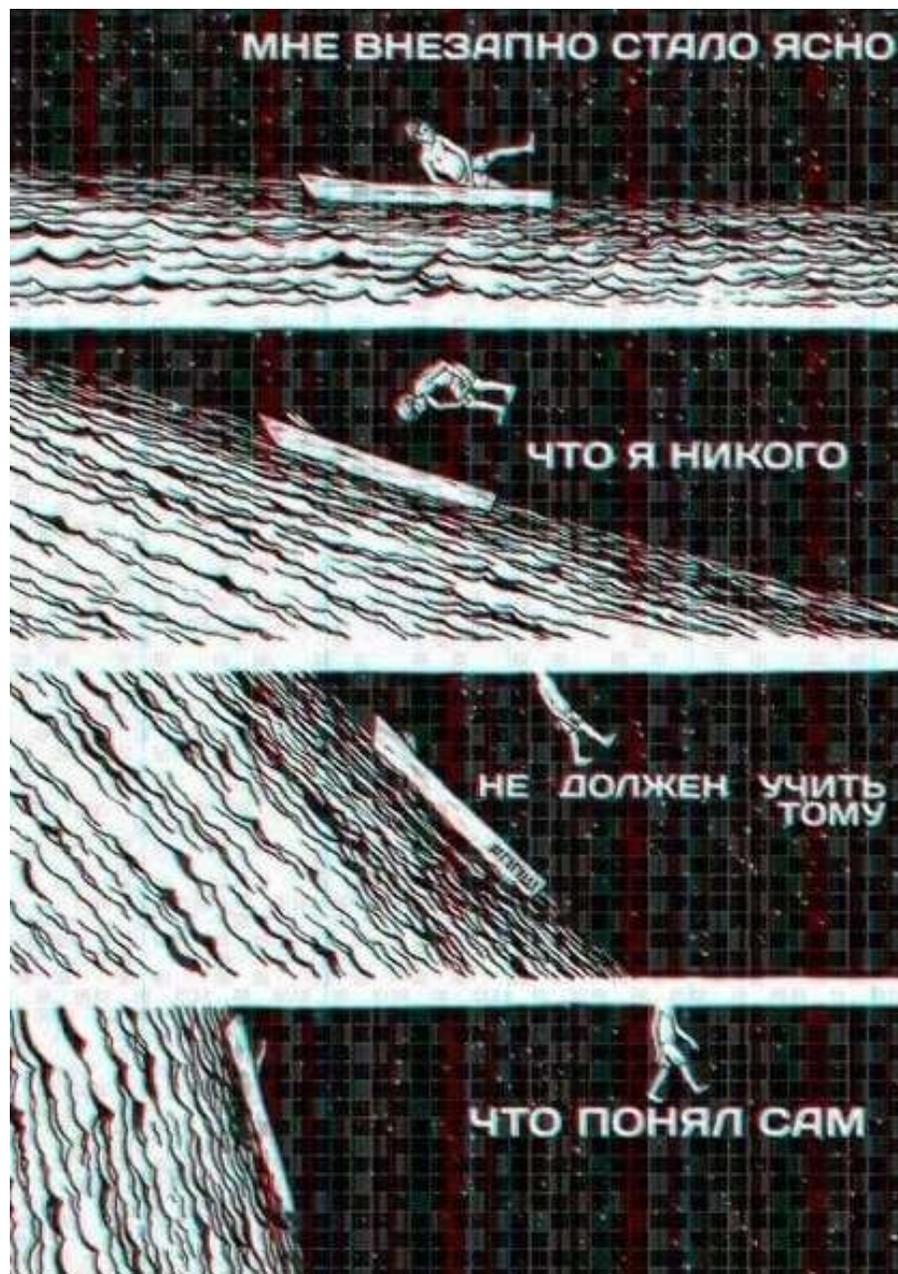
Призыв высказывания –
научиться жить без «смысла
жизни».

При этом сам призыв вполне
является еще одним
«смыслом жизни».

**"Сделайте ваш ум настолько зрелым,
чтобы вы могли жить без смысла
жизни, и при этом жить прекрасно."**

Ошо

В высказывании можно выделить два уровня: содержательно-смысловой и актный.

На уровне содержания лирический герой констатирует некий факт собственного осознания\открытия (*мне стало ясно*).

Смысл открытия в том, что субъекту не следует учить других тому, что тот понял сам (*я никого не должен учить тому, что понял сам*).

С содержательной стороны открытие целостно, оно «объективно», т.к. может быть как истинным, так и ложным.

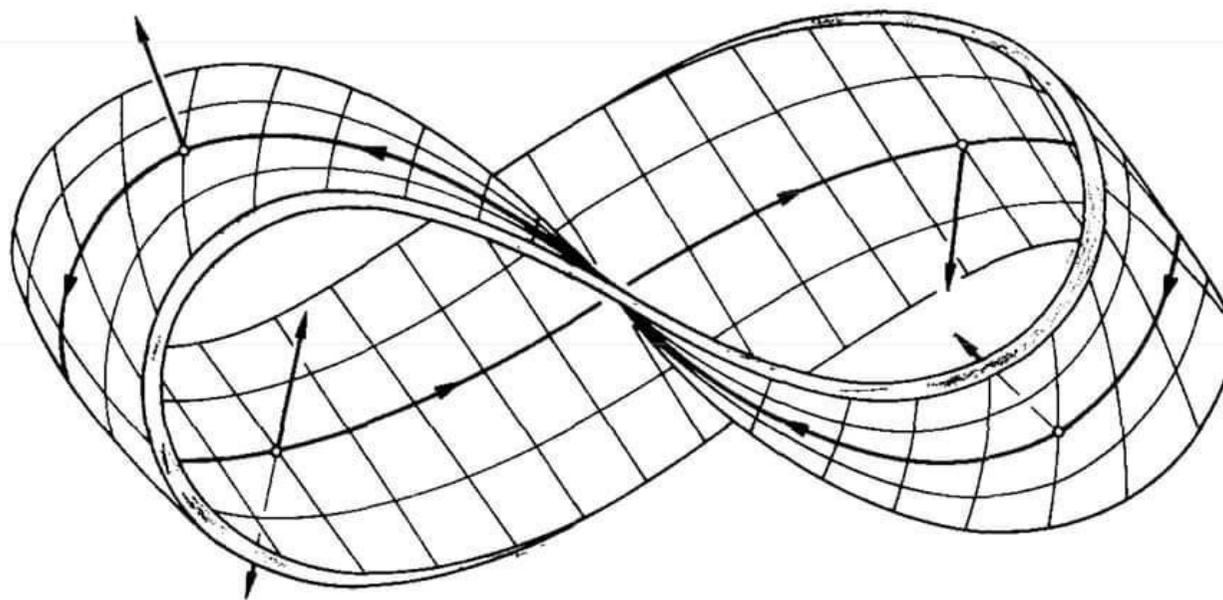
Противоречие обнаруживается на уровне акта, в том месте, где открытие о том, что «я не должен учить других..» само является *учением*.

Возникает парадокс: герой учит положению, которое понял сам, что не нужно учить других вещам, которые ты понял сам.

Проблема не в том, что «самооценки» или «смысла жизни» не существует.

Проблема не в том, чтобы «учить» или «не учить».

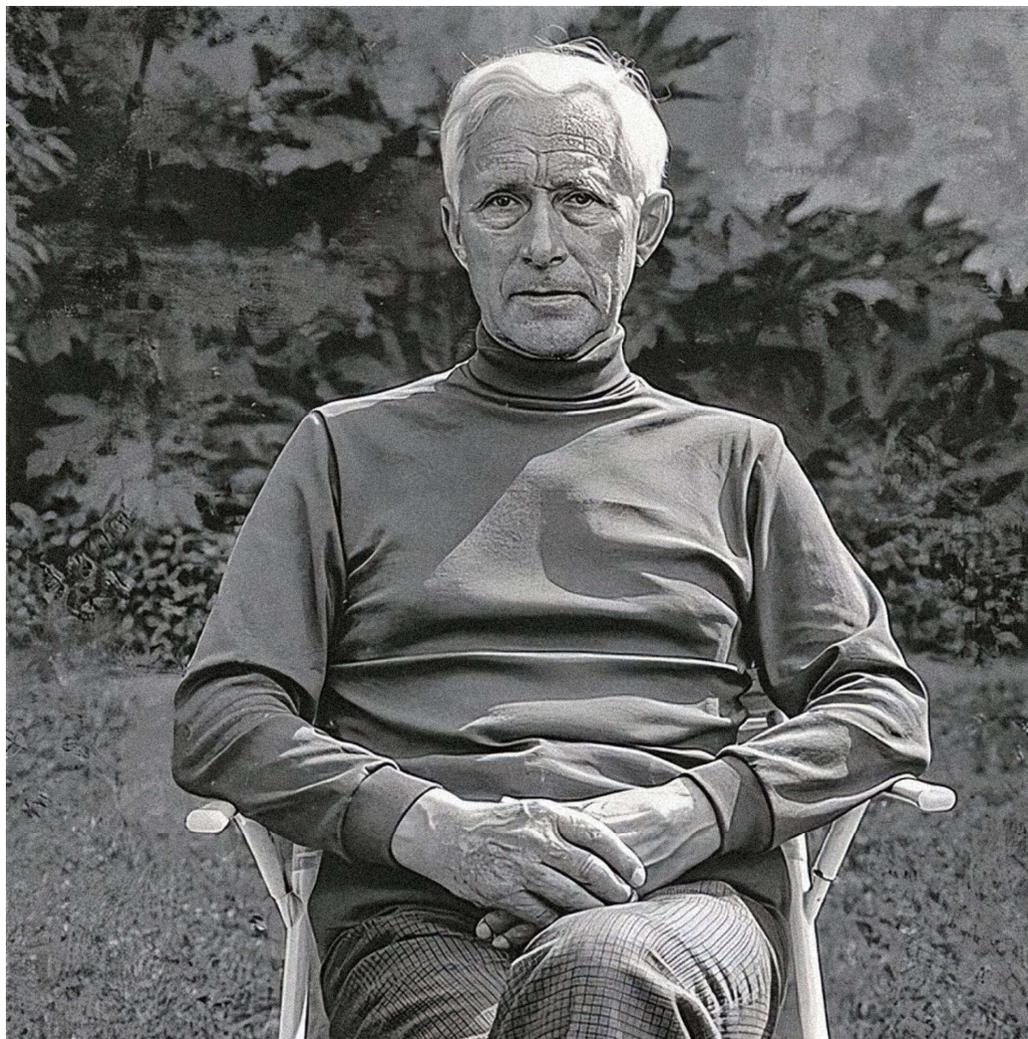
Проблема в структуре мысли, где *способ* продумывания вступает в противоречие с *содержанием*.

То, что в высказывании представляется двумя различными «моментами», в пределе оборачивается одним и тем же.

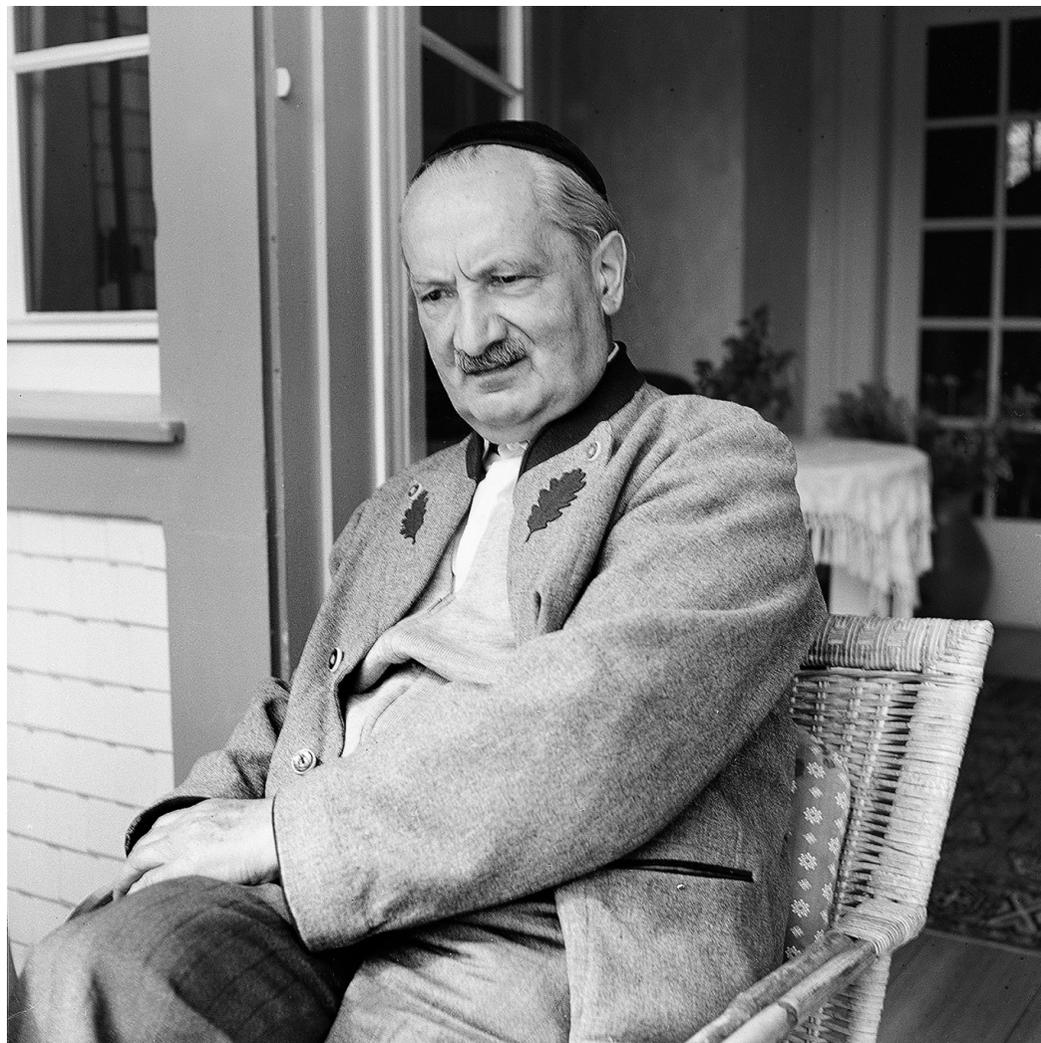
Их разделяет только время, необходимое для пересечения всей ленты.

Расщепление
акта и содержания

Эрнст Юнгер
«Через линию» 1951г.

Мартин Хайдеггер
«О линии», ответ Юнгеру

DESIRE IN LANGUAGE

A Semiotic Approach to Literature and Art

JULIA KRISTEVA

Edited by Leon S. Roudiez

Слово, диалог и роман

Кристева, развивая идеи Бахтина, утверждает, что текст не существует изолированно, а всегда находится в *диалоге* с другими текстами. Эта диалогичность проявляется в *амбивалентности*, то есть в его способности одновременно представлять разные точки зрения и смыслы.

Кристева противопоставляет эпический (монологический) и романский (диалогический) типы повествования. Если Эпос стремится к *единству смысла и авторитарной позиции*, то роман открыт для множества голосов и точек зрения, что и делает его диалогичным.

Монолог и диалог различаются не только количеством интерпретаций, но и «смысловой мощностью». Так, поэтический язык, по Кристевой, представляет дискурс более сложный, чем монологическая речь, а значит, способный передать более сложные смыслы.

Ю. Кристева и М.М. Бахтин

Симпатии Кристевой скорее на стороне «подрывного», «трансгрессивного», «революционного» диалога, чем «мертвого», «довлеющего», «ограничивающего» монолога.

- ...особенность диалога в том и состоит, что это трансгрессия, сама себе задающая закон...
- ...мера его революционности - это мера его диалогичности...
- ...Эпический дискурс, есть воплощенный запрет, «монологизм...
- ...всякое «реалистическое» повествование, повинующееся логике 0—1, догматично.

Амбивалентность как множественность интерпретаций, как «живое» движение смыслов - занимает в самой логике Кристевой вполне недвусмысленную позицию.

Диалогизм и амбивалентность позволяют сделать один важный вывод. Как во внутреннем пространстве отдельного текста, так и в пространстве многих текстов поэтический язык по сути своей есть «двоица»

Сама оппозиция монолог\диалог, несмотря на всю структуралистскую разработанность, все еще остается метафизической, т.к. представлена в виде пар симметричных понятий.

Практика	Дискурс	Диалогизм	Логика взаимоотно- соотнесенности	Синтагма	Карнавал
Бог	История	Монологизм	Аристотелевская логика	Система	Повествование

..ты говоришь о диалоге, и я говорю о диалоге, но есть нюанс...

Исследуя природу монолога\диалога, Кристева «пишет» эпос, миф о непрерывной борьбе, о революции, где дух маниппеи постоянно бросает вызовы ограничивающему повествованию. Это борьба, это сопротивление, это бунт (один из параграфов так и называется «Роман-бунт»).

Кристева не замечает, как понятия «диалог» и «монолог» буквально оборачиваются персонажами ее «романа» о романе. Нескрываемые авторские симпатии, оценки, суждения – читатель сразу понимает, кто - злодей, а кто – «хороший парень».

В результате, проблема «чужого голоса», «раздвоенности», «двуголосости», «неслиянность» превращаются в сюжетные перипетии, а предикаты «амбивалентность» или «ограничивающий закон» – в характеристики персонажей.

«Роман» о романе полон драматизма, он трагичен. В интонации автора чувствуется скорбь, когда тот, к примеру, отмечает историческую несправедливость по отношению к понятию «карнавал»: *..Не стоит удивляться, что именно разрушительная сила карнавального дискурса послужила причиной того, что само выражение «карнавал» приобрело в нашем обществе весьма пренебрежительный и сугубо карикатурный смысл...*

Но есть парадокс: именно эпическую форму повествования Кристева и обличает как монологическую: *Реалистические описания, изображение «характеров», создание «персонажей», развитие «сюжета» — все эти дескриптивные элементы повествовательного произведения принадлежат интервалу 0—1 и, следовательно, монологичны. Получается, в эпической форме автор критикует эпос.*

Метаязыка не существует

В сфере высказывания нет структурной возможности занять внешнюю\объективную позицию. Такая позиция есть не более чем метафизический предрассудок, иллюзия, которая оборачивается структурным противоречием.

Там, где нам кажется, что мы мыслим понятие, удерживаем перед сознанием объект\явление, само явление уже всю работу; оно стоит у нас за спиной.

Там, где Кристева дает описание эпоса и монолога, сама монологическая форма высказывания уже работает всю. Но тогда возникают вопросы:

1. Кто говорит? Автор? Но как, если сама его речь уже конституирована монологическим дискурсом.
2. О чем говорит? О монологе? Но что, если все приписываемые монологу предикаты – сами есть суть продукт этого же дискурса?

Монолог и монологизация

Диалогический метод Бахтина

М.М. Бахтин говорит о проблемах речи и языка, о полифонии, о «чужих» и «двуголосых» словах. Он постоянно повторяет мысль, что в речи всегда присутствует смысловой избыток в виде «голоса другого», что сами слова, которыми пользуется субъект, не являются «немыми», они несут на себе отпечаток\след бывших употреблений.

Все это указывает на то, что саму бахтинскую мысль нельзя брать «прямым» (буквальным) способом, вычитывая из нее «авторскую интенцию». Его текст принципиально «полифоничен», а значит, к нему нужно подходить ровно так же, как сам Бахтин подходит к анализу полифонического высказывания.

«...Именно теперь принцип диалога воплощается в самом научном языке исследователя (М.М. Бахтина). Его слово становится принципиально двуголосым – и этим начинает качественно отличаться от традиционного языка науки, стремящегося к монологической одноголосости и однозначности терминологического слова как к своему идеальному пределу...»

С.Н. Бройтман

1. Различие монолога и диалога
располагается *НЕ* на уровне содержания

Впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов, – правда, только нащупал. Реализм Достоевского он определяет как реализм, основанный не на познании (объектном), а на «проникновении».

Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект – таков принцип мировоззрения Достоевского. Утвердить чужое «я» – «ты еси» – это и есть та задача, которую, по Иванову, должны разрешить герои Достоевского, чтобы преодолеть свой этический солипсизм, свое отъединенное «идеалистическое» сознание и превратить другого человека из тени в истинную реальность.

Таким образом, утверждение чужого сознания как полноправного субъекта, а не как объекта является этико-религиозным постулатом, определяющим содержание романа (катастрофа отъединенного сознания). Это принцип мировоззрения автора, с точки зрения которого он понимает мир своих героев. Иванов показывает, следовательно, лишь чисто тематическое преломление этого принципа в содержании романа, и притом преимущественно негативное: ведь герои терпят крушение, ибо не могут до конца утвердить другого – «ты еси». Утверждение (и неутверждение) чужого «я» героем – тема произведений Достоевского.

Но эта тема вполне возможна и в романе чисто монологического типа и действительно неоднократно трактуется в нем.

Путь философской монологизации – основной путь критической литературы о Достоевском. По этому пути шли Розанов, Волынский, Мережковский, Шестов и др. Пытаясь втиснуть показанную художником множественность сознаний в системно-монологические рамки единого мировоззрения, эти исследователи принуждены были прибегать или к антиномике или к диалектике....

Вместо взаимодействия нескольких неслиянных сознаний подставлялось взаимоотношение идей, мыслей, положений, довлеющих одному сознанию.

И диалектика и антиномика, действительно, наличны в мире Достоевского. Мысль его героев, действительно, диалектична и иногда антиномична. Но все логические связи остаются в пределах отдельных сознаний и не управляют событийными взаимоотношениями между ними.

Да...

«Диалогичность» Достоевского бессмысленно искать на уровне содержания. Все элементы романа - образы героев, множественность мировоззрений, скандальность сюжета, стилистические особенности – равновозможны и в романах монологического типа.

Следовательно:

1. Различие между монологом и диалогом лежит *ВНЕ* содержания.
2. Любое содержание подвержено монологизации.
3. Даже сама ставка на объективность, личностную отстранённость, непредвзятость есть суть «монологическая» ставка, т.е. «предвзятость»

«Самосознание и духовное перерождение остаются у Толстого в плане чисто содержательном и не приобретают формообразующего значения, этическая незавершенность человека до его смерти не становится структурно-художественной незавершенностью героя»

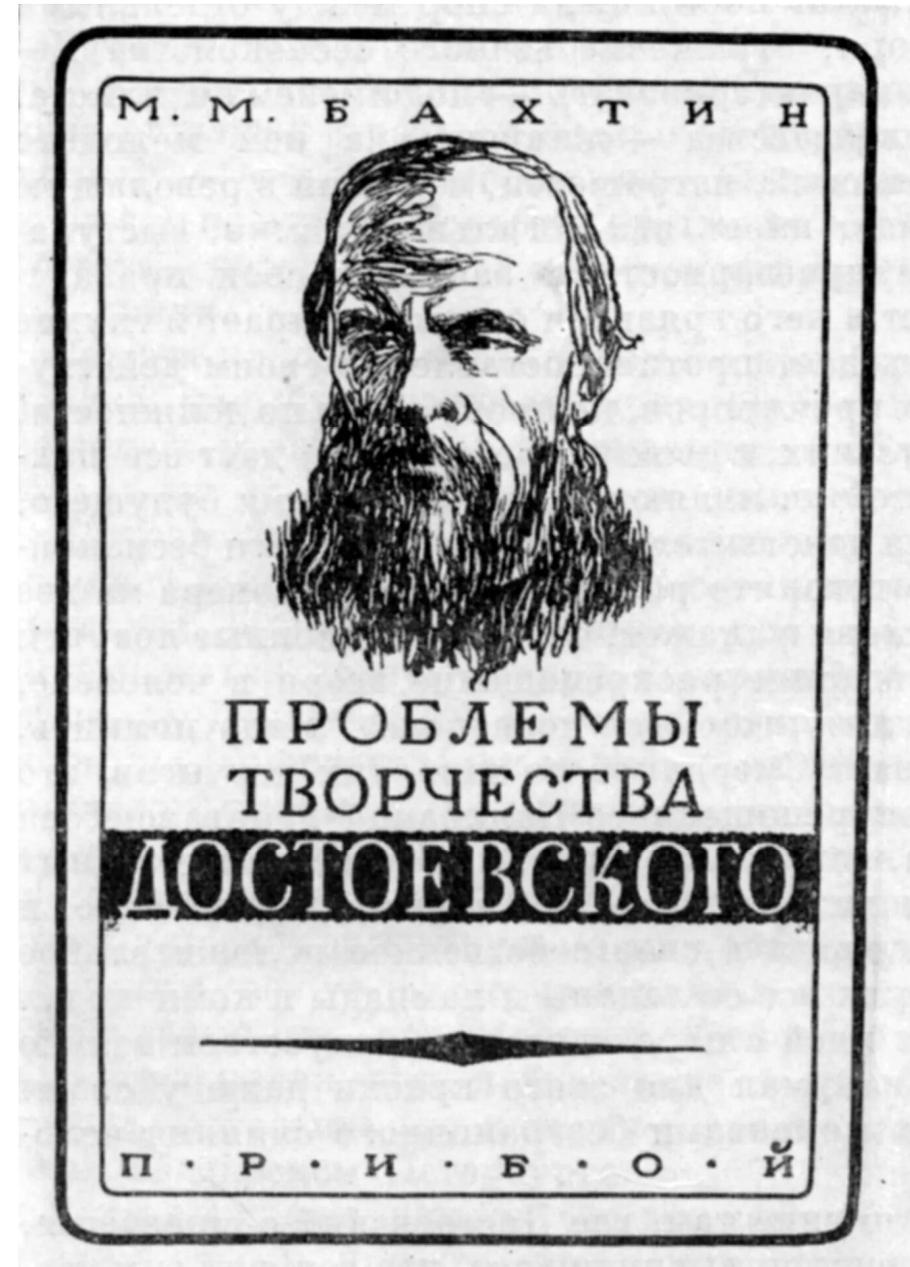

...НО

Соглашаясь с критиками относительно содержательно-смыслового аспекта текста Достоевского, Бахтин выступает резко против интерпретации акта высказывания. Это демонстрирует парадоксальную ситуацию, когда интерпретация верна «по букве», но ошибочна «по духу».

Для различий этих двух уровней и призывается к жизни пара монолог\диалог.

«Диалогический» выступает структурной характеристикой высказывания, которое принципиально расщеплено на акт и содержание, в то время как «монологизация» – это определенная ситуация «непризнавания» реальности расщепления акта и содержания высказывания.

2. Монологизация как отчуждение

Интерсубъективность

Монологизм – это такой *признак*, который принципиально не может быть «помыслен» самим субъектом, но только во взгляде другого он заявляет о себе. Это объясняется интерсубъективным характером понятия – «монологизация» включает в себя измерения отчуждения и вытеснения.

Суть в том, что указанные определения характеризуют у М.М. Бахтина, конечно, не само по себе монологическое высказывание. Но это и не прямое слово, непосредственно принадлежащее «другому» (лингвистике): ведь в кругозоре самой лингвистике ее понимание монологического высказывания не может быть квалифицировано как изолированное, абстрагирующее или умертвляющее. Очевидно, что перед нами не просто реакция лингвистики, а то, что сам М.М. Бахтин называет «реакцией на реакцию»: реакцию автора на реакцию «другого».

С.Н. Бройтман

Топология

«В главе, посвященной «принципу формы», несмотря на ряд ценнейших наблюдений, он (Вяч. Иванов) все же воспринимает роман Достоевского в пределах, монологического типа.

Таким образом, Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского – утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект, – монологизовал этот принцип, то есть включил его в монологически сформулированное авторское мировоззрение и воспринял лишь как содержательную тему изображенного с точки зрения монологического авторского сознания мира»

Монологизация располагается на стороне субъекта там, **где сам субъект не замечает**, что вместо вскрытия замысла автора, **репрезентирует мысль в единстве собственного сознания.**

Получается, что **причиной монологизации** как неспособности услышать «чужой голос» является **сама монологизация!**

Дело не в том, что Иванов просто не обратил внимание на реальность чужого голоса. Чужой голос – это «не еще один» художественный прием, но фундаментальная особенность речи как таковой, поэтому и «проигнорировать» её нельзя просто так.

Проблема в том, что в **границах монолога нет никакого места для другого голоса**, поэтому и слышать из этой позиции попросту нечего.

Иванов не просто «не расслышали», но **он занял такую позицию, которая исключает какой-либо другой голос (кроме своего собственного).**

Стадия зеркала

Зеркальное отражение носит иллюзорный (воображаемый) характер:

- Отражение обманывает субъекта, демонстрирует наличие объекта нам, где его нет.
- Сам обман конституируется символическим измерением, структурой: чтобы «оптический обман» состоялся, субъекту необходимо занять надлежащее расположение.

Монологическая речь обнаруживает себя в воображаемом единстве высказывания, когда схватываемый интеллектуально объект мыслиться «свободным» от самой ситуации схватывания (т.е. объективно). Невозможность мета-языка, расщепление акта и содержания высказывания при это вытесняются так, что само вытеснение выступает условием, которое позволяет речи состояться как монологическая.

Это свойство роднит монологизм с «пустой речью».

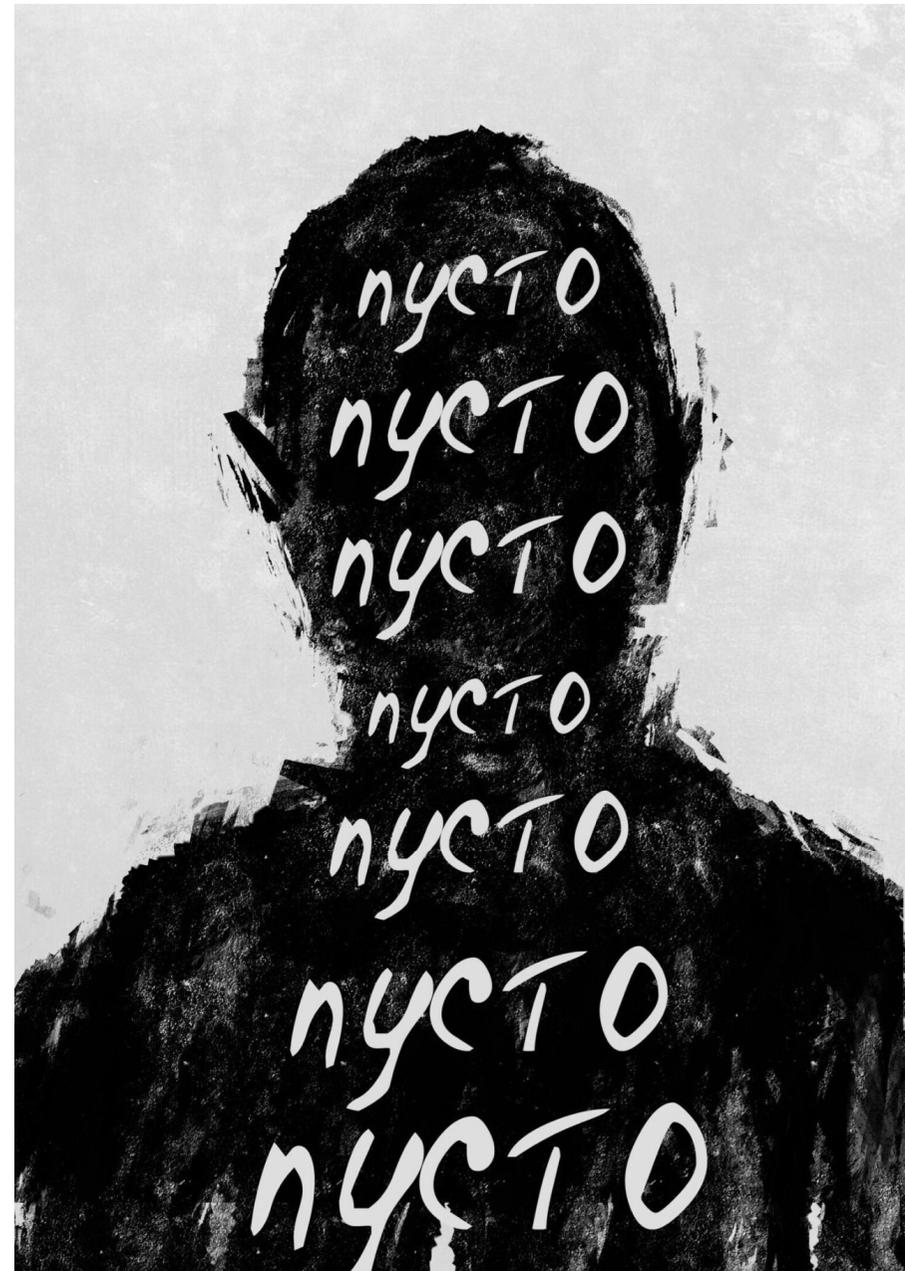
Пустая и полная речь

Пустая речь знает только измерение содержания – она «объективна».

Пустая речь разворачивается в измерении воображаемого. Поэтому в тщетных попытках дать себе определение, субъект переходит от предиката к предикату, пока не признает, *«что «существо» это всегда было всего-навсего его собственным созданием в сфере воображаемого, и что создание это начисто лишено какой бы то ни было достоверности»*

Пустая речь не есть речь лишенная аналитического смысла. Пустая она «лишь на поверхности», в ней всегда слышен голос другого (бессознательного).

В противоположность, полная речь определяется как акт: *«Полной речью является речь, направленная на истину и формирующая ее такой, какой она устанавливается в признании одного человека другим. Полная речь является речью, выступающей как акт».*

3. Отличие понятия от самого себя

Что позволяет М.М. Бахтину говорить о «монологизации»?

Каковы следствия «диалогической» речи?

Почему оценки М.М. Бахтина не являются «объективными»?

Что означает «диалогическая» речь для теории?

Различание или «X без X»

- Герой идеологически авторитетен и самостоятелен, **он воспринимается как автор** собственной полновесной идеологической концепции, **а не как объект** завершающего художественного видения Достоевского.
 - **В формообразующей идеологии Достоевского** не было как раз тех двух основных элементов, на которых зиждется всякая идеология: **отдельной мысли и предметно-единой системы мыслей.**
 - **Лингвистика и металингвистика изучают одно и то же конкретное, очень сложное и многогранное явление – слово, но изучают его с разных сторон и под разными углами зрения. С точки зрения чистой лингвистики между монологическим и полифоническим использованием слова в художественной литературе нельзя усмотреть никаких действительно существенных различий.**
1. Персонажи Достоевского, при всей их «самостоятельности», все еще остаются объектами художественного изображения – у них есть черты, мотивы, мировоззрение. Так почему же они, при всей объективности, **объектами** не являются?
 2. Идеология Д. лишена отдельной мысли и предметно-единой системы. Но ведь содержания самого понятия идеология - это и есть «система мыслей». Тогда чем является идеология Д. и почему она остается **идеологией?**
 3. С точки зрения лингвистики, различия между «лингвистикой» и «металингвистикой» – нет. Тогда какова природа этого «несуществующего» различия?

Методологические вопросы

1. Понятия теории литературы несут на себе отпечаток воображаемого (единства сознания). Нельзя воспользоваться ими так, чтобы не монологизировать мысль. Авторский замысел, художественный образ, тема, персонаж – эти означающие уже подразумевают такую форму текста, в которой исключен какой-либо избыток, что-либо «лишнее» (т.е. «чужой» голос).
2. Литературные методы, которые не отдают себе отчета в расщепленности их понятийного аппарата, обречены на монологизацию. Как, к примеру, биографический метод может помочь в познании текста, если он сам не просто «рисует» писателя в качестве «персонажа» биографии-нарратива, но и рисует его «в единстве авторского сознания»?!
3. Но если теория литературы, которая ставит своей задаче «внимательно читать текст», сам реальный текст и не читает, тогда с чем мы имеем дело в её лице?
4. Различение сдвоенных означающих обрекает аналитический дискурс на сложные логические фигуры: замысел, но без *подчинения автору*; изображение героев, но без *объективации* и т.д. (ср. с «мессианство без мессианизма» у Ж. Деррида).
5. Но каким тогда должно быть диалогическое литературоведение, если как сказал В.Л. Махлин, школы «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма» *«по мысли М.М. Бахтина имеют, общую монологическую предпосылку, иначе говоря – презумпцию самодовлеющей, самодостаточной автономии»?*

спасибо за внимание

Анатолий Смирнов
аспирант кафедры
философии РХГА
г. Санкт-Петербург
azxder@list.ru

